

Сибирская идентичность как политическое высказывание

Рост регионального самосознания сибиряков в значительной мере обусловлен социально-экономическими проблемами Сибири и дисбалансом в отношениях с Центром | **АЛЛА АНИСИМОВА, ОЛЬГА ЕЧЕВСКАЯ**

В последнее время в России наблюдается рост регионального самосознания. Население регионов все активнее пытается привлечь внимание Центра к своим социально-экономическим и экологическим проблемам; все большее число людей обращают внимание на региональные культурные особенности и проявляют интерес к истории своего края. Предварительные результаты последней переписи населения, проведенной в октябре 2010 года, свидетельствуют о том, что в графе «национальность» жители ряда регионов указывали новые национальные самоидентификации¹. Среди них в количественном отношении выделяется национальность «сибиряк». (Более подробно о том, сколько человек записалось «сибиряками», см. подверстку на с. 64.)

Трактовка категории «сибиряк» как национальности имеет неоднозначную природу. С одной стороны, идеологи «сибирской нации»² описывают «сибиряков» как национальную общность, которая существовала

всегда, «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и эти особенности отмечались начиная с XVII века³. В качестве ключевых элементов сибирской нации вышеупомянутые идеологи выделяют следующие: 1) многокомпонентный состав: сообщество сибирских старожилов представляет собой «ядро» нации в том, что касается (традиционного) *мировоззрения и культуры*, но вокруг них собираются люди разных (в том числе смешанных) национальностей; 2) сибирскую нацию составляют люди *смешанного происхождения*, которые путем «сибирского самоопределения» решают проблему самоидентификации. В этом отличие сибиряков от русских, и здесь проходит граница сибирской нации⁴; 3) *сибирский язык* (пока существующий в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык).

С другой стороны, в медийном пространстве все чаще встречаются трактовки сибирской нации как нации политической, которая

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОВЕДЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ФРИДРИХА ЭБЕРТА В ТРЕХ ГОРОДАХ СИБИРИ: ИРКУТСКЕ, ОМСКЕ И НОВОСИБИРСКЕ. ПОЛЕВОЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ: СЕНТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 2011 ГОДА

имеет свои специфические интересы и готова декларировать и отстаивать их в рамках многонационального федеративного государства. При этом культурное и языковое своеобразие как основа нациестроения отходит на второй план, а на первом плане оказываются социально-экономические, экологические и культурные проблемы сибирского региона, осознание и проблематизация существующих несимметричных отношений между федеральным Центром и сибирским регионом в экономической, социальной и правовой сферах.

Сторонники этой идеи, в частности, сравнивают отношение федерального Центра к Сибири и к Северному Кавказу, который является дотационным регионом. В контексте этого сопоставления звучат идеи о том, что «если власть не хочет покупать русских, то ей придется покупать сибиряков»⁵.

Все это свидетельствует о политизации идентичностей, в частности территориальных и этнических, и о том, что они используются как инструменты политической мобилизации для борьбы за признание, а также за значимые в (со)обществе ресурсы⁶.

Подобные тенденции в целом характерны для современного глобального общества, и с этой точки зрения сибирская идентичность особенно интересна как новый политический проект (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе, с тем чтобы добиться признания своих отличий, культурной специфики, социальных и экономических прав.

Понятие «идентичность»: теоретические представления и концептуальное определение

Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер в программном тексте о трактовках и способах использования термина «идентичность» в социальных науках⁷ разделяют все существующие определения на пять групп в зависимо-

сти от того, с какими целями используется термин и что с его помощью предполагается подчеркнуть:

- идентичность как глубинное индивидуальное свойство, *ядро «Я» (self)*;
- идентичность как коллективное явление, фундаментальное и последовательное *тождество* между членами одной группы или категории;
- идентичность как *фундамент* социальной или политической активности, не инструментальная, в отличие от «интереса», *основа* социальной и политической практики;
- идентичность как *продукт* социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;
- идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся *дискурсов*.

В нашей работе «идентичность» рассматривается как **продукт социальной или политической активности**, как *процессуальное, интерактивное* развитие того вида коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, который делает возможным всякое коллективное действие. В то же время «идентичность» здесь одновременно и *продукт*, обусловленный социальной и политической активностью, и *базис*, на котором основываются последующие действия.

По данным нашего исследования, сибирская идентичность, как правило, имеет протестный характер и отражает как особенное отношение сибиряков к родному краю (которое складывается в результате приспособления к сложным жизненным условиям и преобразования среды обитания), так и стремление жителей Сибири добиться диалога с Центром и устранить дисбаланс в отношениях с ним.

Сибирская идентичность (как и любая другая) оформляется в ходе столкновения или соприкосновения с «Другим», когда

собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой. Мы придерживаемся деятельностного подхода, в соответствии с которым идентичность не дана изначально (с рождения), не формируется «раз и навсегда» на ранних этапах социализации, а осознается и актуализируется в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой и социальной действительностью.

Такой подход предполагает, что идентичность «сибиряк» формируется на протяжении всей жизни, в разных контекстах и ситуациях, и может изменяться во времени. Это

позволяет проследить траекторию (траектории), по которым идет развитие различных вариаций сибирской идентичности, в зависимости от способов взаимодействия индивида с территорией Сибири и от характера включенности индивида в социально-экономические процессы в регионе.

Социально-экономические проблемы региона и формирование сибирской идентичности как протестной

Практически во всех проведенных нами интервью в Омске, Иркутске и Новосибирске⁸ информанты говорили о сходном наборе социально-экономических

Много ли «сибиряков»?

Накануне Всероссийской переписи населения — 2010 стартовала акция «Национальность — сибиряк», призывавшая жителей Сибири указывать «сибиряк» в поле «национальность». Инициатором акции считается житель Красноярска Александр Коновалов. По его словам, «массовое явление сибиряков переписчикам — это не призыв отделяться от России, а попытка привлечь внимание федеральной власти к полукOLONIALному положению территорий, расположенных за Уральским хребтом» (подробнее об этом см. в материале «Русского репортера»: Колония Сибирь // http://rusrep.ru/article/2011/02/22/ot_redakcii). Вскоре после переписи в прессе начали появляться материалы, в которых сообщалось, что сибиряками записались очень многие и, вполне возможно, после публикации итогов переписи встанет вопрос о том, чтобы признать сибиряков новой национально-

стью. На сайте Всероссийской переписи населения даже был опубликован фокус-опрос о возможности и необходимости появления новой национальности «сибиряк» (<http://www.rerepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6390>). По разным оценкам, которые приводились до того, как были опубликованы итоги переписи, сибиряками записались от сотен тысяч до нескольких миллионов человек. После публикации предварительных результатов переписи, согласно которым сибиряков оказалось всего лишь 4166 человек (цифра, существенно меньшая, чем предполагали даже самые осторожные прогнозы активистов), последовала волна критических и скептических записей в блогах. Хотя некоторые СМИ с оптимизмом написали о том, что по сравнению с предыдущей переписью сибиряков стало почти в 412 раз больше (см., например, материал издания «Тайга.Инфо» [\[info/news/2011/12/20/~106368\]\(http://news/2011/12/20/~106368\); <http://expert.ru/siberia/2012/01/grazhdanin-s-regionalnyim-ottenkom/>\), доверия опубликованные официальные данные не вызвали.](http://www.tayga.</p>
</div>
<div data-bbox=)

После того как прошла первая волна возмущенных комментариев, идеологи проекта сибирской нации стали предлагать объяснения столь существенному расхождению прогнозов и официальных данных. Основными версиями были недобросовестные действия переписчиков (некоторые из них отказывались писать «сибиряк» в поле «национальность» и записывали сибиряков русскими), а также перегруппировка других национальных категорий. В пользу последней версии свидетельствует тот факт, что численность не указавших свою национальность на последней переписи возросла в несколько раз. (Об этом см., напр., материал Дмитрия Верхотурова «Нас 4 миллиона» (<http://newsbabr.com/print.php?IDE=100804>).

проблем, характерных, по их мнению, для сибирского региона. В числе наиболее актуальных проблем чаще всего упоминались:

- кризис промышленности и связанные с этим проблемы с трудоустройством квалифицированных кадров;
- низкий уровень заработной платы и жизни населения в целом, в результате чего квалифицированные кадры покидают регион и качество человеческого капитала в регионе снижается;
- отсутствие перспектив занятости, в первую очередь для молодежи, вследствие чего молодые люди уезжают из региона;
- несимметричность и слабая урегулированность миграционных потоков (в регион и из региона);
- неразвитость инфраструктуры, особенно транспортной сети и объектов социально-культурного назначения;
- экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, бесконтрольная вырубка лесов и т. д.).

Рассуждая о причинах этих проблем, многие высказывали мнение, что они вызваны несимметричными экономическими отношениями между федеральным Центром и сибирским регионом, а также «освоенческой» установкой Центра по отношению к Сибири. Программы освоения составляются исходя исключительно из соображений экономической выгоды, без учета интересов местного населения.

Кроме того, кризис промышленности, начавшийся в 1990-е, привел к краху многих крупных предприятий в сибирских городах, прежде всего это коснулось тяжелой и оборонной промышленности, транспортных предприятий. Кризис промышленности отразился не только на занятости и благосостоянии населения Сибири, но также имел глубокие и тяжелые последствия для образа жизни и самосознания сибиряков. Проведенные интервью показывают, что

закрывшиеся предприятия не только играли огромную роль в социально-экономической жизни сибирских городов, но также обладали в сознании горожан высоким символическим статусом. Они были предметом гордости и придавали сибирским городам, с точки зрения их жителей, особую важность и значимость в рамках всероссийской экономики. Зачастую потеря крупного производства расценивается информантами как снижение статуса города в целом, как отсутствие перспектив дальнейшего развития:

«У нас в городе, у нас погибло будущее, производство разгромлено, а то, что восстанавливается... Вот смотрите, вот завод подъемных машин, он делал лифты на всю страну, он разрушен, и какие-то цехи остались, но это что, это какая-то кустарщина, это ж не индустриальное производство... У Омска нет будущего» (ж., 59, Омск) ⁹.

Многие информанты говорят о том, что с начала 2000-х годов ситуация только ухудшается. Именно с этого времени сибирские предприятия в массовом порядке переходят в руки столичных собственников, в результате чего налоговое резидентство предприятий переносится в столичный регион и, соответственно, сокращаются налоговые поступления в местные бюджеты ¹⁰.

«Нам не принадлежит ничего, все не наше, все создается нами, но это нам не принадлежит, а все принадлежит Москве или Петербургу. Вот даже взять наш нефтяной завод. Он же уже не наш, омский, это конец 1990-х – начало 2000-х. Люди переживают по этому поводу, все возмущены... Это отток денег, конечно же, это же уже не в бюджет региона. Люди переживают, но пока терпят... настолько уже забили людей» (ж., 20, Омск).

Тогда же стали продавать частным собственникам из несибирских регионов и сибирские земли, включая муниципальные. В результате доступ местных жителей к этим землям, зачастую расположенным в рекреационных и курортных зонах, оказался ограниченным.

«Приехал к другу – у него дача по Байкальскому тракту, давно уже. И там турбаза геологов, что ли, была – там минеральный источник... В очередной раз приезжаю, поехали, говорю, воды наберем минеральной. А все, говорит, уже не заедешь туда – все скупили, Москва. Поставили забор, охрану – и все, вход закрыт. И это давно происходит, повсеместно – скупаются берег Байкала... даже к воде уже не так просто подойти, коттеджи строят, например, метрах в двадцати от берега. Но берег тоже огораживают, незаконно, естественно» (м., 50, Иркутск).

Подобного рода факты вызывают у сибиряков недовольство и протестные настроения, которые приобретают характер протеста против политики федерального Центра и приводят к четкой дифференциации и противопоставлению между Москвой и Сибирью, Центром и регионами. При этом роль местных, региональных властей в большинстве случаев также оценивается негативно, но информанты не рассматривают их как отдельную, самостоятельную силу, а воспринимают как людей, которые либо состоят на службе у Москвы, либо вынуждены уступать давлению из Центра. Термины «Москва» и «москвичи» в данном контексте употребляются информантами как синонимы федеральной власти и столичных коммерческих структур.

Наше исследование показывает, что именно это противопоставление нередко служит

основой для формирования сибирской идентичности. Из ответов жителей Сибири отчетливо видно, насколько важен для самоидентификации «сибиряков» контекст осознаваемых ими различий между европейской Россией, Москвой, и «тем, что за Уралом», – азиатской Россией и Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения Центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами как отношения между метрополией и колонией:

«Есть Москва, и есть вся остальная страна. Но к провинции европейской части России нет отношения как к колонии. Вроде та же нищета, но такого целенаправленного наплевательского отношения и выкачивания ресурсов не видно. А к Сибири есть отношение как к колонии. Это очень чувствуется» (м., 44, Иркутск).

«Москва дает – лишь бы не потонули, по минимуму, у хозяина свои цели, а хозяин – Москва» (ж., 48, Омск).

Смена собственников и руководства многих сибирских предприятий на столичных резидентов приводит к изменению стиля управления, что также часто оценивается крайне негативно:

«Приезжает мальчик из Москвы, 25–30-ти лет, и у него одна задача – отжать денег. Надо ханнуть в течение двух–трех лет, и что потом будет, его не волнует в принципе. Это колонизаторское отношение в худшем смысле» (м., 44, Иркутск).

Потребительское отношение к региону информанты отмечают и в тех случаях, когда, казалось бы, речь идет о развитии и инвестициях в регион. Однако подобное «развитие»,

с их точки зрения, проводится без учета интересов населения, имеет почти исключительно торговую ориентацию, рассчитанную на быстрое получение прибыли, а не на долгосрочное развитие региона:

«У нас вот недавно открыли новый торговый центр, московский. Я не знаю, кому он нужен, кто там что будет покупать, люди, которые могут себе позволить там одеваться, одеваются где-нибудь в Лондоне, лучше бы детских садов еще построили» (ж., 25, Омск).

«И вот этот завод загибался, загибался и в конце концов умер, а на его месте сейчас построили торговый центр, ну хоть двести человек там работу получили, и то хорошо» (м., 40, Иркутск).

Зачастую чувство несправедливости и несимметричности отношений с Центром усугубляется видимыми противоречиями, несоответствием между богатством региона, имеющимися в нем ресурсами и сравнительно низким уровнем жизни, относительной депривацией жителей региона:

«Так уж природой устроена экономика, что ресурсы у нас, и правильно, что мы их часть отдаем туда, за Урал, но хотя бы часть нам верните, чтобы мы могли тоже жить нормально, с учетом долгой зимы, сурового климата и расстояний... А получается, что регион богатейший, а население бедное» (м., 60, Новосибирск).

«Например, почему-то у нас бензин дороже 28 рублей, а в Красноярске – недавно я ездил – 25.40. Хотя у нас тут своя нефть, нефтеперерабатывающий завод в Ангарске, а цены на бензин почему-то всегда выше» (м., 50, Иркутск).

«Вот Усть-Кут – районный центр, где добывают нефть. Он каждую зиму замерзает. Почему? Да потому что им же продают газ-конденсат, отходы от добычи нефти, слишком дорого для их котельных. Ну, они же видят это все, конечно» (ж., 32, Иркутск).

В сознании информантов социально-экономическое и культурное пространство России строится на противопоставлении «Москва vs. Сибирь» или «Центр vs. регионы». Этим же противопоставлением, по их мнению, обусловлены проблемы сибирского региона. В результате возникает протестная форма самоидентификации «сибиряк», основанная на осознании «колониального» положения Сибири.

Ощущение «колониальности» и несправедливости тем острее, чем ближе человек на собственном опыте столкнулся с проявлениями несимметричных отношений «Центр – регионы»:

«Вот недавно была в поселке, через них проходит эта труба. По ней куда-то утекает нефть. Нефть утекает на восток, деньги – на запад, а они сидят в полуразрушенной деревне, которая вымирает... при этом у них есть телевизоры, они видят, сколько стоит эта нефть, видят, на каких машинах приезжает начальство, и понимают, что что-то здесь не так... Вообще от таких постоянных напоминаний о твоей вторичности может назреть протест» (ж., 32, Иркутск).

Из-за того, что в регионе меньше возможностей и ниже уровень жизни, молодые, образованные, амбициозные люди уезжают, и регион лишается квалифицированных кадров:

«В последние 12 лет – волна отъезда лучших специалистов из города, во все направления – Москва, Питер,

Новосибирск, Екатеринбург, – оценки разные, но на десятки тысяч счет идет. А замещение мигрантами из Казахстана, что сказывается на человеческом потенциале... В последние годы уезжают и врачи, и инженеры, и это вымывает кадровую базу региона» (м., 27, Омск).

Информанты старшего поколения сравнивают современную Сибирь с Сибирью советских времен, при этом советские времена вспоминаются как годы развития и процветания региона, как «золотой век», когда Сибирь занимала достойное место в экономике страны, а сибиряки, как все советские люди, чувствовали заботу руководства страны.

«Советская эпоха была золотым веком по части культуры, науки, образования, а сейчас провал полнейший, и полный цинизм власти – лгут, лгут, лгут» (м., 55, Омск).

«В советское время мы, как говорится, “были всем”, у нас же были в основном оборонные заводы, и самолетостроение... к нам космонавты из Звездного приезжали, а сейчас у нас же ничего не осталось» (ж., 59, Омск).

При этом, по мнению информантов, жизнь в европейской части СССР и в Сибири в те времена не различалась с точки зрения патерналистских установок центральной власти. Везде была «забота о простом человеке».

«Я вот вспоминаю, я детство провела в маленьком городке Тульской области. У нас школа была прекрасная, кабинеты были оборудованы всем, и кабинет физики, и химии... А потом, уже в Иркутске, когда я ушла в декрет и родила двух детей подряд, я такое получала пособие на детей... это были огромные деньги» (ж., 47, Иркутск).

В текстах интервью неоднократно противопоставляется патернализм советского государства, единый для всей страны, и сегодняшние реалии рыночной экономики в колонии. Из этого противопоставления возникает ощущение, что нынешняя Сибирь отделена от центральной части России. Сегодня сибиряки не видят, чтобы Центр заботился об их благосостоянии, а лишь раз за разом оказываются свидетелями того, как эксплуатируются их земля и недра. Именно поэтому они не чувствуют себя равноправной частью единой страны, в результате рождаются чувства ущемленности, отделенности и отдаленности, а из этого вырастает протестная идентичность сибиряков.

«Если Сибирь рассматривается как кладовка Москвы, а сибиряки как люди второго сорта, то идет объединение через негативную идентификацию» (м., 62, историк, Иркутск).

«Если Сибирь долгое время оставлять на положении колонии – когда мы отдаем все, а получаем по остаточному принципу, – протестные настроения могут превалировать» (м., 60, экономист, Новосибирск).

В представлении людей с высоким уровнем образования и рефлексии, занимающих активную гражданскую позицию, формирование сибирской идентичности чаще всего видится как логическая цепочка «осознание проблем региона – ощущение несправедливости и колониальности – недовольство и стремление сигнализировать о них Центру – сибирская национальная идентичность как способ коммуникации с властью». К их числу относятся гуманитарная интеллигенция, журналисты, предприниматели, блогеры.

В интервью с этой категорией информантов критерии, по которым определяется общ-

ность «сибиряки», соответствуют двум типам обоснования сибирской нации, упомянутым во вводной части статьи («собственно национальные» и политические). Так, особенности менталитета, языка, характера, по мнению информантов, вполне могут выступать как основание (большее, чем просто территориальный или региональный признак) для выделения общности «сибиряков»:

«Сибиряк – нормальная дефиниция, она не подразумевает дробления русского народа, но ввиду того, что есть отличия в говоре, есть явное отличие в менталитете, не принципиальное, но оно есть. Значит, определенная общность существует. Раз существует, значит, она должна как-то называться. «Сибиряк» – это название для нее логичное, не нами придуманное, и отрицать его не имеет смысла» (м., 40, журналист, Иркутск).

«Национальность формируется на основе общих стандартов поведения. В США и итальянцы, и ирландцы – члены американской нации, хотя совсем разные культуры, но общие стандарты поведения. Так же у сибиряков: у них стандарты поведения связаны с суровым климатом – более устойчивые к трудностям и более дружные» (м., 27, Омск).

Также отмечается наличие у сибиряков общей культуры и истории, которая в настоящее время забывается. В рамках акции «Национальность – сибиряк» (подробнее об этой акции см. поддержку на с. 64) большое место отводилось изучению истории малой родины сибиряков и «напоминанию» о ней:

«Сейчас в школах дети как изучают историю: знают все про Рим, про Карфаген, но о Сибири не знают ничего, не говоря уже о том, как флаг Сибири выглядит».

Люди не знают истории своего родного края – сибирские песни, сибирский говор...» (м., 33, Новосибирск).

Кроме культурных и «ментальных» характеристик, объединяющих сибиряков, в интервью – в том или ином виде – встречается понимание сибирской общности как новой политической солидарности, основанной на осознании жителями территории своих прав на своей земле.

«Национальность “сибиряк” – я чувствую обоснованность этого... Как социолог, я вижу, что это то, что людям нужно сейчас, это может стать новой солидарностью, важной частью самосознания. Эта земля – это не просто вода или углеводороды. Это не просто территория, это еще и история этой земли, это люди. Я сибиряк, я это чувствую. Это ощущение. Это чувство, что эта земля ценна... Свои права растут из своей земли. Если мы, сибиряки, существуем, то существует и наша земля (выделено нами. – А.А., О.Е.). Не как ресурс – в литрах воды и кубометрах газа, а как земля со своей историей и культурой. Это сигнал...» (ж., 32, социолог, Иркутск).

В интервью иногда встречаются последовательные рассуждения о том, как формирование политической нации сибиряков может способствовать тому, чтобы интересы населения региона реализовывались более эффективно. Однако в этом нет каких-либо сепаратистских намерений:

«Я категорически не согласен с областниками, отделение никаких проблем не решит. У нас жуткая централизация, решения принимаются наверху, если мы что-то и думаем, это никого не интересует, как будто люди наверху работают, а мы им мешаем. Эту проблему не решить, если

не менять структуру, логику управления, если не децентрализовывать. Здесь как раз выход – политическая нация, народ, который живет на этой земле и хочет дальше на ней жить, поддерживая ее в человеческом состоянии, и готов предпринять что-то ради этого» (м., 33, Новосибирск).

Но чаще все же подчеркивается вынужденный характер такой солидарности:

«От хорошей жизни не будешь создавать проекты политической нации... Это же как простого человека нужно достать, чтобы он с утра просыпался и думал о том, что он – сибиряк» (м., 62, Иркутск).

Таким образом, акция «Национальность – сибиряк», по мнению многих наших информантов, возникла как отклик на несправедливость и дисбаланс в отношениях с Центром и не имела целью признание сибиряков как отдельной национальности. На основании проведенных интервью можно сказать, что идея о том, что «сибиряк» – это «национальность», широкой поддержки среди жителей региона пока не находит:

«Но пока [сибиряк] это не национальность. Я считаю, что процесс поиска такой национальной идентичности начнется, когда “припрет”. Национальностью она может стать “от голода”: если у людей возникнет дефицит позитивного проекта, а федеральный Центр не предложит позитивного проекта или то, что предложено федеральным Центром, будет заведомо “мимо”; люди начнут думать... как им чем-то стать» (м., 40, Иркутск).

Проект «Национальность – сибиряк» стал формой политического высказывания,

каналом коммуникации с Центром, благодаря которому люди надеются быть услышанными, надеются обратить внимание на проблемы региона, призвать власти к диалогу и сотрудничеству по поводу их решения:

«Национальность “сибиряк” приветствую. Хоть так сигнал подать» (м., 44, Иркутск).

«Мы хотим, чтобы нас услышали. Мы не хотим никакого развала, мы хотим, чтобы услышали: мы есть, мы существуем и у нас есть свои интересы» (ж., 32, Иркутск).

Почти в каждом интервью звучит противопоставление «мы» и «они» и подчеркиваются различия между этими двумя категориями. Подспудно или открыто практически каждый, с кем нам довелось побеседовать, причисляет себя к общности сибиряков, которая по ряду признаков (характер, интересы, условия жизни) отличается от других общностей. Однако не у всех это перерастает в открытую и осознанную протестность. Еще реже протестность становится основой для активных и солидарных действий.

Региональное самосознание и гражданская активность

Наше исследование показывает, что протестность принимает открытые и деятельностные формы в случаях, когда затронуты жизненно важные интересы либо когда задевается некая особо значимая (сакральная) коллективная ценность.

Примером коллективной солидарности, возникшей на основе жизненных интересов, может служить сообщество «байкальских поморов». Это жители русских и бурятских деревень на побережье Байкала, имеющие исторически общие традиции природопользования. Их образ жизни был поставлен

под угрозу в ходе реализации на побережье Байкала одной из федеральных программ:

«В том же прибайкальском районе строят особую экономическую зону – “Байкальская гавань”, кажется. Дорогу там строят, горнолыжный комплекс, 100-звездочную гостиницу... А местных согнали с берега, и они волнуются, что это только начало... И пошли записались поморами, чтобы защитить свои права, чтобы их услышали, побережье не забирали, дали жить, где они живут... По новым законам о браконьерстве вообще весь их традиционный вылов становится нелегальным, а это существенная часть рациона... То есть они должны заявить о себе как о группе, чтобы получить права просто на то, чтобы жить так, как они всегда жили» (ж., 32, Иркутск).

Из проведенных нами интервью очевидно, что природа края для сибиряков, будучи ключевой составляющей их образа жизни, является особой ценностью и служит еще одним важным основанием для коллективной солидарности. Жизнь в Сибири – это прежде всего жизнь в тесной связи с природой, что в сознании сибиряков исключительно значимо и существенно отличает их образ жизни от образа жизни в других регионах России.

«Сибиряк – житель природы, не столько города, сколько природы... и если вся Москва с 4 вечера до 12 ночи стоит в пробке, потому что все едут на дачи, на природу, то здесь прошел 500 м, и ты уже на природе, практически дикой» (м., 29, Новосибирск).

«Природа [в жизни сибиряка] – для меня очень важно. Это должен быть обязательно снег, лес, валенки... тайга непроходимая, непролазная...» (ж., 32, Омск).

Именно поэтому солидаризация нередко происходит вокруг экологических угроз и проблем, когда природе региона наносится ущерб. В этих случаях протест сопровождается актуализацией локальных и региональных идентичностей, которые становятся основой новых солидарностей. Ярким примером может служить борьба против «трубы» на Байкале.

«Байкал как сакральная ценность объединяет очень разных людей в регионе, людей, которые в других обстоятельствах даже не разговаривали бы друг с другом. Их региональная идентичность строится вокруг Байкала» (м., 62, историк, Иркутск).

Следует отметить, что в таких случаях локальные идентичности выходят на первый план по сравнению с другими:

«Если говорить о приоритетах, то Байкал на первом месте, конечно, а держава потом» (м., 62, историк, Иркутск).

Когда сакральная для многих ценность оказывается в опасности, это дает начало коллективной солидарности с мощным деятельностным и протестным потенциалом:

«В 2006 году у нас были массовые митинги в защиту Байкала, и многие говорят, что для них это было поворотным моментом, когда они поняли, что хотят что-то делать и что это может быть успешным... Это была мощная кампания, которая затронула не только экологическую проблему, но и права живущих здесь людей. В Иркутске даже перестройка началась с экологических митингов, когда трубу Байкальского целлюлозно-бумажного комбината хотели в Воркуту перекинуть, и люди все вышли на улицы, реально как река по улицам текла... То есть люди как-то увязывают свои права со своей землей» (ж., 32, Иркутск).

Другими примерами солидаризации на основе экологических интересов могут служить протесты против вырубки деревьев и точечной застройки в сибирских городах.

«И когда я в городок теперь приезжаю, то меня больше всего огорчает, что вырубил лес, поставили там эти домики, что засоряют пляж этими пакетами. Хотя, казалось бы, что у нас природы этой до черта. Но тем не менее» (м., 29, Новосибирск).

Различия в характере и менталитете людей становятся еще одной «линией водораздела» между Сибирью и европейской частью России, а также основанием, на котором формируется общность сибиряков. В интервью содержатся описания «сибирского характера» и подчеркивается его отличие от характера жителей других российских регионов. При этом отмечаются такие качества сибиряков, как коллективизм, ценность неформальных отношений между людьми и дружеских связей:

«Сибирский характер, в отличие от европейского характера, – это меньшая направленность на успешность социальную, большая ценность неформальных человеческих связей, дружбы, если друг просит помочь, то ему надо помочь, даже если тебе будет плохо» (м., 44, Иркутск).

«В Москве – всеобщая отстраненность, например, в транспорте. Люди вроде здесь, а вроде и нет. А у нас и познакомишься в маршрутке, и обсудишь все» (ж., 20, Омск).

В то же время в числе отличительных черт сибирского характера – упорство, выносливость, надежность:

«Сибиряки более упертые, более выносливые. Опять же сюда следи каторжан, у

них тоже был упертый, сильный характер. Его сюда следи, думали, он загнет, а он выжил» (ж., 45, Иркутск).

«На юге люди более расслабленные, они больше беспокоятся о семье, здоровье, досуге... Сибиряки напористые, упорные, ориентированы на результат» (ж., 20, Омск).

Из интервью видно, что сибирский характер является не только «автостереотипом» или некоторым набором самоописывающих мифов, но также и категорией, имеющей смысл и сходное наполнение для «несибиряков»:

«И вот этот американец меня спрашивает: “А почему вы не похожи на других русских, которых я видел, вы совсем другие?” А я говорю: “Потому что мы из Сибири”» (м., 50, Новосибирск).

Выносливость сибиряков напрямую связана с их терпеливостью. Эта черта сибирского характера также отмечается в интервью:

«Сибиряки – терпеливые люди, очень долго терпят, иногда слишком долго» (ж., 26, Омск).

Во многих интервью отмечалось, что недовольство людей достигло высокого уровня, но протестного взрыва пока не происходит как раз из-за того, что люди привыкли терпеть долго, и потому будут терпеть и дальше:

«Люди, конечно, переживают, но пока терпят... Я думаю, что есть у сибиряков сила, но, может быть, она никогда себя не проявит... хотя... как знать...» (ж., 20, Омск).

Еще одна черта сибирского характера – это «предрасположенность к свободе». В Сибири

не было крепостного права, зато там оказывалось много бунтарей-ссылных, что, по мнению информантов, хотя и в меньшей степени, но ощущается в Сибири и в наши дни:

«Можно говорить о том, что предпосылкой формирования сибирского характера могло бы быть то, что здесь не было крепостного права. После... ситуация стала несколько более размытой – массивные миграции... А до революции – да, это была большая ценность свободы и самостоятельности, чем в центральной России» (м., 27, Омск).

Такая «предрасположенность», казалось бы, может быть дополнительным «катализатором» для протестных настроений. Но у нее есть и другая сторона: свободолюбие зачастую оборачивается неумением договариваться, приматом собственной правоты перед готовностью идти на компромисс и действовать сообща:

«У нас люди несговорчивые... каждый сам за себя. С одной стороны, есть солидарность... а с другой стороны – на два человека три мнения, каждый знает, что точно делать, и бывает сложно договариваться. Все точно знают, что нужно делать, и делают себе спокойно, каждый свое. По отдельности – неплохо, но вместе часто не очень хорошо получается» (м., 33, Новосибирск).

Похоже, что «сибирский характер» как основа для коллективных действий – конструкция противоречивая: с одной стороны, в нем заложена склонность к свободе и некоторый градус бунтарства. С другой стороны, отсутствует привычка договариваться, а также нет навыков коллективных действий. Это зачастую не дает возможности жителям сибирского региона действовать конструк-

тивно и согласованно, с тем чтобы выразить свои интересы и защитить свои права. (Исключение составляют ситуации, когда затрагиваются действительно жизненно важные интересы людей.)

Закключение

Рост регионального самосознания, который в последние годы наблюдается в сибирском регионе, имеет существенную протестную составляющую и в значительной мере связан с осознанием несправедливого отношения федерального Центра к местным жителям. Многие жители Сибири начинают осознавать проблемы региона и воспринимать их как свои собственные, задумываться о том, что каждый человек может сделать для того, чтобы жизнь людей в регионе стала более достойной и благополучной.

Наше исследование показывает, что в настоящее время нет согласованности между самосознанием (которое основано на ощущении несправедливости и зачастую сопровождается желанием и готовностью делать что-то, дабы изменить неблагоприятное положение дел) и собственно гражданской активностью, которая могла бы стать выражением и способом реализации оформляющихся региональных интересов. Подобная несогласованность объясняется как факторами регионального уровня (условия жизни, ментальность, миграция), так и низким уровнем доверия и оптимизма по поводу возможного позитивного эффекта от гражданской активности и коллективных действий в России в целом.

Однако нынешнюю ситуацию нельзя назвать устойчивой. Осознание, актуализация и мобилизация коллективных интересов происходит стремительно. Активисты гражданских движений в Сибири ищут все новые способы, чтобы привлечь внимание властей и широкой общественности к проблемам

региона и пытаюсь призвать Центр к диалогу. В частности, был снят документальный фильм о проблемах Сибири¹¹, предпринята попытка учредить Сибирскую национально-культурную автономию¹². Что же касается населения Сибири в целом, то постепенно накапливаются позитивные примеры того,

как коллективные действия людей заставляют учитывать их интересы. Как будут развиваться события, во многом зависит от того, удастся ли властям и пробуждающемуся гражданскому обществу вступить в конструктивный и плодотворный для обеих сторон диалог о будущем Сибири. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ В числе новых национальных самоидентификаций появились, в частности, поморы. Подробно о том, как устроена и формируется графа «национальность», см.: *Тишков В.А.* О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков // Этнологический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 15–30 (<http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/nauka02.php>).

² В настоящее время существует как минимум две организации, активно поддерживающие идею «сибирской нации»: «Сибирская национальная автономия» (зарегистрирована в конце 2011 года) и «Сибирский державный союз». Кроме того, в «Живом журнале» есть сообщество «Настоящие сибиряки», насчитывающее 388 участников.

³ Характеристики сибирской нации приводятся по: *Верхотуров Д.* Что такое сибирская нация? Аудиозапись лекции 13.10.2011 (<http://schriftsteller.livejournal.com/632355.html>).

⁴ Автор отмечает, что основной целью является признание сибиряков как сильной и активной нации внутри многонационального государства, а вовсе не отделение Сибири от России. Важно, что в представлении идеологов сибирского национального движения «сибиряк» — это не просто территориальная или региональная общность, но «полноценная» национальная общность, имеющая общую историю, культуру, традиции, мировоззрение и даже язык.

⁵ *Антитип В.* Гражданин Сибири: Почему русские за Уралом больше не хотят быть русскими // Русский репортер. 2011. 22 февр. № 07 (185) (<http://rusrep.ru/article/2011/02/22/sibir>). В последнее время в прессе появляется все больше материалов, в которых обсуждается «колониаль-

ное» положение Сибири и социальные последствия такого положения. См., напр., серию публикаций в журналах «Эксперт–Власть», «Эксперт–Сибирь», «Русский репортер».

⁶ *Брубейкер Р., Кунер.Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115; *Тишков В.А.* Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия // *Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 2: Политическая культура и политические процессы*. СПб., 2007. Цит. по: *Акопов С., Розанова М.* Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб. ДЕАН, 2010. С. 34–35.

⁷ *Брубейкер Р., Кунер.Ф.* Указ. соч. С. 73–76.

⁸ Чтобы в определенной мере учесть региональные особенности и локальные различия сибирской идентичности, наше исследование проводилось в нескольких сибирских городах, разных с точки зрения географии, истории и культуры частях Сибири. Новосибирск представляет собой центр «новой Сибири» и отличается высокой политической культурой, развитыми формами гражданского контроля и культурного протеста. Иркутск — исторический, административный и культурный центр «старой Сибири». История его развития уходит во времена царской России (город основан в 1661 году), а его жители имеют более продолжительную — в историческом масштабе — укорененность в регионе по сравнению с молодыми сибирскими городами. Кроме того, Иркутск известен активной гражданской позицией жителей города, а также примерами результативных коллективных действий (один из показательных примеров — это опыт «Байкальского движения» в истории с проектом строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Подробнее о движении и его эффективности см. материал БАБР.ру: «Феномен гражданского протеста: опыт

и уроки «Байкальского движения»» (<http://news.babr.ru/?IDE=35255>). Омск сочетает в себе черты как старой, так и новой Сибири. Город основан в 1716 году, в настоящее же время является одним из промышленных и торговых центров современной России и Сибири. «Приграничность» Омска и тесное взаимодействие с Казахстаном оказывает влияние на локальное самосознание. Кроме того, необходимо отметить, что в данной работе речь идет только о городских идентичностях прежде всего потому, что связка «идентичность — региональное самосознание — гражданская активность» работает с большей очевидностью там, где развита публичная сфера и хоть в какой-то мере присутствуют формы гражданского участия, диалога, выражения.

⁹ В ходе исследования проводились интервью с городскими жителями, по-разному включенными в социальную жизнь своих городов (с точки зрения биографии, профессии, социального статуса), а также с «экспертами» — специалистами, профессиональная деятельность которых связана с теми или иными аспектами жизни в Сибири. Здесь и далее в круглых скобках дана минимальная информация об опрошенных. В случае с рядовыми жителями городов — это пол, возраст и город проживания, в случаях же с «экспертами», помимо этой информации, указывается еще и профессия.

¹⁰ Герасименко О. Как колонией была, так и останется // Коммерсантъ Власть. 2012. 16 апр. № 15 (969) (<http://www.kommersant.ru/doc/1907724>).

¹¹ Фильм «Нефть в обмен на ничего», рассказывающий об инфраструктурных проблемах сибирского региона (прежде всего плохие дороги) и об укорененности этих проблем в несимметричных отношениях между Сибирью и федеральным Центром, был снят Артемом Лоскутовым и Дмитрием Марголиным в 2011 году и показан в ряде сибирских и российских городов. Полная версия фильма доступна для просмотра в Интернете. Подробности о фильме — на сайте проекта: <http://oil-for-nothing.ru/>

¹² Конференция по вопросу создания Сибирской национальной автономии прошла в Новосибирске 1 марта 2012 года. Инициаторами выступили Александр Бакаев, председатель правления НРОО «Ассоциация обманутых дольщиков и инвесторов»; Яков Новоселов, директор Сибирского федерального центра оздоровительного питания; Евгений Митрофанов, исполнительный директор новосибирского общественного фонда защиты прав потребителей, а также режиссеры фильма «Нефть в обмен на ничего» Дмитрий Марголин и Артем Лоскутов. Подробнее о конференции и целях создания автономии см. здесь: <http://globalsib.com/13898/>